

© Н.А. БАЛЮК, В.П. ПЕТРОВА

n-balyk@mail.ru

УДК 94:342.54. (571.12).07

**ЖЕНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНИ ЗАУРАЛЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МАССОВЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
XVII-XIX ВЕКОВ)**

АННОТАЦИЯ. Автором рассмотрены особенности формирования социального статуса женщины в условиях традиционного сообщества в динамике, с XVII до конца XIX в. по материалам зауральской государственной деревни. На основе анализа документов фискального учета, распросных речей, текущего делопроизводства волостных правлений и сельских обществ реконструирована функциональная роль женщины через призму тяглого фиска, домохозяйства, сельского мира, семьи.

SUMMARY. The author considers the woman social status formation in a traditional society (XVII-XIX centuries) on the materials of the Ural state village. The analysis of book-keeping, questionnaires, current volost clerical work and rural society helps to reconstruct the functional role of woman through the prism of fisc, house holding and family.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Женское население, государственная деревня, традиционное сообщество, социальный статус, тяглая повинность, домохозяйство, крестьянская семья.

KEY WORDS. Female population, state village, traditional society, social status, fisc liability, house holding, peasants, family.

В отечественной историографии проблема изучения социального статуса женщины в традиционном сообществе и семье является актуальной. Сложившаяся в XVII-XVIII вв. практика фиксирования налогооблагаемого населения по мужской линии как тяглых единиц, существенно затрудняет возможность реконструкции социального состояния женского населения. В условиях Зауралья модулем фискального учета в дозорных книгах первой четверти XVII в. по уездам Верхотурско-Тобольского разряда был пашенный двор и мужское население. В качестве примера приведем характерную формулировку: «во дворе Гришка Федоров сын Шайтханов, у него дети: Пашко 20 лет, Пронка 18 лет, Кирилко 15 лет, Максимка 13 лет, Ивашка 4 лет, Федька 2 лет. Пашни у него паханые 2 десятины с четью в поле, а в дву потому ж» [1].

О женском населении источники XVII в. приводят отрывочные сведения, в случаях отсутствия по разным причинам в семье мужского населения как

основного тяглового населения. Среди источников отрывочные сведения о женском населении XVII в. содержат расспросные речи. Как правило, это свидетельские показания податного населения о своем происхождении. Например, «Ивашка Семенов сын Чехей в расспросе сказал, мать де ево Марина прижила его на Тюмени беззаконством с тюменским толмачем и привезла его Ивашка с Тюмени в Тобольск а в Тобольске била челом с ним Ивашкой в Софийский Дом в работники двенадцать лет а после де того был он Ивашка в Тавдинской слободе у церкви в дьячках, а из дьячков стал он в архиепископле в Тавдинской слободе в пашне во 1656 году» [2]. Сведения о женском населении, приведенные в массовых статистических источниках фиксировались в случае потери или отсутствия кормильца. Как правило, это были вдовы-солдатки или одинокие женщины, имеющие земельный надел. Однако среди владельцев дворов боярских наряду с вдовами, потерявших по разным причинам мужей, были учтены и жены «при муже». Например, «вдова Дарья Бессонова, вдова Думка Микифоровская, при муже жена Карпа Чулкова» [3].

Среди «всяких градских чинов, которые поселились в подгородной земле», межевая книга Софийских вотчин называет и женщин, организовавших самостоятельно свое земледельческое хозяйство. В их числе дворы «вдовы казачьей жены Федосьицы Вторухиной, вдовы стрелецкого сына Фильки Оникиева, казачьей жены Устиницы Кривдихиной, казачьей жены вдовы Софьицы Потрапухиной, вдовы Федороцы Микитиной» [4]. Об уважительном и благородном отношении мужчин к членам своей семьи свидетельствует закладная на землю в знак вечной памяти о вдове Алене. Так, митрополий дьяк Михайло Витязев подал приказные палаты выпись 180-го году за государевою тобольскою печатью за приписью дьякона Юрья Блудова, а в той выписи написано в прошлом во 150-м году поступился в дом Софии Премудрости слова Божия Тобольской сын боярской Федор Михайловский по теще своей вдове Алене Подъячево Гавриловской жены Ярофеева в вечное помяновение вверх по Иртышу реке Санникове деревне земли пустоши и сенные покосы да промеж теми постошии селитьбы а из Софейсково дому за ту землю дано денег двадцать пять рублей» [5]. Следующие пример показывает, что женщины фиксировались в XVII в. в случае совместного владения земельными наделами с мужем. Например, тюменский отставной казак, разночинец Матвей Скоробогатов «владеет пашенной землей в 4 верстах от Тюмени»; бывший тюменский казак, разночинец Аника Федоров и жена его Авдотья «владеют пашенной землей по наследству за хлебное жалование со 166 года, состоящей в 3 верстах от Тюмени. Живет в Тюмени».

Из книги межевых Софийских вотчин видим, что в целях получения земельного надела, гулящие люди нанимались в половники. При учете фиксировались дворовладельцы муж и жена вместе со своими родственниками. Например, в «в деревне на р. Кундуске посацкого человека Ивашки Корюка у него ж во дворе половник гулящий человек Васька Андреев с женою, скота у него корова да два теленка» [6]. Например, «в деревне, на речке Кундуске отдельными дворами живут Якимов половник Богдашко Иванов Мошеник с женою, а сказал отпустил подъячий Яким Денисов от себя из холпства во 126-м году и посадил у себя на пашне в половники на шесть лет.

Скота у Богдашки три теляти да три свиньи» [7]. В ряде деревень Тобольского уезда, в неразделенных отеческих семьях, учитывалось мнение женщин старшего поколения по вопросу семейных разделов молодых семей. В связи со сложившейся практикой сельского мира, в целях решения проблем, связанных в семейными разделами, крестьянской семье, принявшей произвести раздел имущества предписывалось следовать следующим правилам:

1. Раздел осуществлять только с согласия всех старших членов семьи.
2. Обеспечение при разделах уплаты недоимок и других долговых платежей.
3. Отделение части семьи только в том случае, если она представляет собой самостоятельную нормативную единицу в имущественном положении.
4. Соблюдение правил пожаробезопасности.
5. В случае самовольного раздела отделившаяся семья официально не признавалась как самостоятельная налогоплательская единица; налоги взимались на прежних условиях [8].

Однако во второй половине XIX в. самовольные семейные разделы принимают массовый характер. Например, в Курганском округе в 1881 г. произошло 349 самовольных разделов, в основном в крупных отеческих семьях. В Тюменском округе с 1861 по 1882 гг. произошло 3596 разделов, из которых по официальному разрешению отделилось только 18, а остальные разделы были самовольными [9]. В Тарском округе самовольных разделов отмечено — около 2453, в Ялуторовском — 441, из них по разрешению сельского схода — только 23. Среди причин названы семейные ссоры, стремление к самостоятельности старших женатых сынов, малоземелье. Как отмечено в документе, «...крестьянское население относилось к разделам равнодушно, не обращая внимание на их экономические последствия для хозяйства» [10].

При этом разделы имели под собой и немалую выгоду для крупных населенных пунктов, где существенную проблему составляла скученность построек, присущая крупным семьям, теснота и т.д. В целом же, необходимость отселения молодой семьи на новое место жительства диктовалось самой логикой развития крупной деревни, т.к. перенаселение не только влекло за собой малоземелье, но и нарушало сложившуюся структуру землепользования, традиционную схему организации крестьянского усадебного комплекса, который требовал земельного простора. Как оптимальный вариант, молодая семья способствовала решению еще одной проблемы, связанной с необходимостью переселения из-за нехватки земель уже укоренившихся «отеческих печей», что составляло настоящую трагедию для старожилков. В случае возникновения подобной ситуации тяжбы о переселении длились в течение нескольких десятилетий. Например, крестьяне из поселка Васин хутор, подлежащие выселению ввиду продажи этих земель другому владельцу, обращались к государю с просьбой оставить их в хуторе. В своем письме они приводили доводы о том, что «...надрывает душу плач семьи, не желающей расставаться со своим пепелищем, пашнями удобными и плодородными и с церковью, построенной трудами рук наших...» [11]. Поэтому вопреки общине и властям крестьяне усматривали в семейных разделах, связанных

с отделением молодой семьи, несомненную пользу, т.к. «пахотных мест и сенокосов в новых местах в изобилии».

Необходимым условием благосостояния семьи являлся не только крепкий экономический потенциал хозяйства, но и нравственное единство членов семьи, родственное расположение друг к другу, признание взаимных прав, осознание своих обязанностей и одинаковое желание трудиться на общую семейную пользу. «Как скоро появлялся в семье разлад, — сообщали местные крестьяне, — вместе с ним начинается и экономический упадок; один стремится жить за счет другого, другие теряют энергию к труду, появляется взаимная вражда, где семейный раздел становится неизбежным выходом...» [12]. Наиболее обеспеченные семейные разделы отмечены в Ишимском округе [13]. В том случае, если отделившаяся часть семьи имела достаточный производительный и имущественный потенциал, благосостояние хозяйства только временно снижалось, а затем вследствие предприимчивости и энергии молодых хозяев дело быстро шло вверх.

По мнению самих крестьян, причиной полного упадка отделившихся трудолюбивых хозяев было «...отсутствие при разделе каких-либо средств, что вынуждало крестьянина для создания самостоятельного хозяйства брать в долг, а значит попадать в экономическую кабалу, из которой он мог освободиться только за счет больших трудов и пожертвований...» [14]. По этому поводу в приговоре Тарского окружного по крестьянским делам присутствия отмечалось, что главная причина упадка крестьянского хозяйства здесь кроется «...не в самих семейных разделах, которые неизбежны по причине роста семей, а из-за отсутствия правильно организованного крестьянского кредита...» [15]. В конце XIX в. крупная неразделенная семья начинает уступать позиции малой семье. Как отмечает В.А. Зверев, «...разложение неразделенной семьи было прежде всего результатом формирования в ее недрах собственности нуклеарных семей и отдельных ее членов» [16]. Процесс этот носил длительный и локальный характер. Молодая семья, вышедшая из патриархальной неразделенной отеческой семьи среднего достатка, на начальном этапе была относительно бедной. По численности она состояла из мужа, жены и малолетних детей. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей-подростков происходило наращивание состоятельности хозяйства. Женитьба и появление нескольких молодых семей в составе патриархального хозяйства часто приводили к его зажиточности.

В целом для семейных разделов была характерна регулярность, обусловленная естественным приростом населения [17]. Но общая тенденция устойчивого преобладания большой неразделенной семьи в Сибири сохранялась вплоть до начала XX в. При нормальных жилищных условиях и стабильном психологическом климате такой семье было легче вести многоотраслевое хозяйство, сочетать основные отрасли — земледелие и скотоводство с промыслами и торговлей. Большая неразделенная отеческая семья обычно состояла из 2-4 семей женатых братьев, живущих вместе, которые вели совместное хозяйство. Большая роль в обеспечении стабильности в семье отводилась женщине. В структуре домашнего хозяйства значимый сегмент занимали женские занятия. Во второй половине XIX в. в округах южного и северного

экономических районов Тобольского округа сформировалось несколько специализированных районов кустарного производства, связанного с женскими занятиями. Центром прядения и ткачества в округе была Абалакская волость (20 хозяйств). В Кугаевской волости сложился центр плетения мереж, ткачества и прядения (50 хозяйств). В волостях Надцинской, Ашлыкской, Куларовской, Загваздинской 23 хозяйства специализировались на овчинно-шубном промысле [18]. В Ярковской волости Тюменского округа было развито ткачество и красильное дело (50 хозяйств). В Червишевской волости того же округа, где основная часть селений была приближена к тракту, 30 хозяйств занималось плетением мереж, необходимых для перевозки товаров. Плетением мереж также занимались женщины Тугулымской, Успенской, Антроповской и Богандинской волостей [19]. В Ишимском округе прядение и ткачество как самостоятельное занятие отмечено в практике 450 хозяйств (волости Карасукская, Кобырдакская, Кулачинская, Лузинская) [20].

Таким образом, приведенный круг источников показывает, что на основе даже фрагментарных сведений можно реконструировать социальных портрет женщины-крестьянки, которая совместно с мужчинами активно участвовала в жизни сельского общества. Но в большей мере ее деятельность была связана с семьей, ведением домашнего хозяйства, сельскохозяйственными работами. В целом, данная проблема находится на начальном этапе ее разработки и требует более основательного поиска новых документов из архивных фондов г. Тюмени, Тобольска, Омска, позволявших более полно осветить вопросы, связанные с реконструкцией социального портрета женщины-крестьянки сибирской деревни.

Изучение темы позволило обозначить круг основных источников, содержащих сведения о женском населении Зауралья. Для XVII в. наиболее информативными по теме исследования являются расспросные речи (РГАДА Ф.214. Кн. 585), дозорные книги (РГАДА Ф.214. Кн. 3, 5..7), массовые статистические источники (материалы 4, 5, 6, 8, 9, 10 ревизий) ГУТО ГАТ г. Тобольск. Ф.154), материалы Первой Всероссийской переписи 1897 г. (ГУТО ГАТ г. Тобольска (Ф.417. Оп.2.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Вотчины Тобольского Софийского Дома. Изд. ТюмГУ, Тюмень, 2001. С. 68.
2. Там же. С. 37.
3. РГАДА Ф. 214. Кн.3. Кн.5. Кн. 7. ТГИАМЗ. Кп. 12694.
4. РГАДА Ф. 214. Кн. 535. Л. 917-917 об.
5. ТФ ГАТО Ф. 479. Оп. 5. Д. 9. Л. 347.
6. ТФ ГАТО Ф. 479. Оп. 5. Д. 4. Л. 157.
7. ТФ ГАТО Ф. 147. Оп. 2. Д. 5. Л.9.
8. ТФ ГАТО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 5. Л. 10 об.
9. ТФ ГАТО Ф. 147. Оп. 1. Д. 4. Л. 157.
10. ТФ ГАТО Ф. 154. Оп. 20 а. Д.61. Л.197.
11. Там же.
12. ТФ ГАТО. Там же. Л. 1-68.;Там же. Ф. 479. Оп. 5. Д. 9. Л. 260 об.
13. ГАТО Ф. 47. Оп. 1.Д. 5337. Л.1 - 63 об.
14. ТФ ГАТО Ф. 147. Оп. 1. Д. 17.

15. ТФ ГАТО Ф. 147. Оп. 1. Д.5.
16. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и ино-
родцев. Вып. 1. СПб., 1888. С.73.
17. Там же. С. 90
18. ТФ ГАТО Ф. 417. Оп. 1.Д. 400. Л. 1-2.
19. ТФ ГАТО Ф. 335. Оп. 1. (587). Д.22.
20. ТФ ГАТО Ф. 147. Оп. 1. Д.5. Л.7.